

ВЛАДИМИР
КОСАРЕВ

ПАЦАНЫ...
ТОВАРИЩИ...

12+

Владимир Косарев
Пацаны... Товарищи...

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Косарев В. А.

Пацаны... Товарищи... / В. А. Косарев — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

ISBN 978-5-532-98333-5

На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич... Помните эту считалочку? С нее в нашем дворе начиналось все самое интересное - прятки, догонялки, казаки-разбойники, 12 палочек. А помните, как жевали гудрон? Как съедали хлеб еще по дороге из магазина? А как вечером всей компанией собирались вокруг костра? Это было прекрасное время... детство...

ISBN 978-5-532-98333-5

© Косарев В. А., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Мужчина	5
Ракета	9
Кто сдал?	13
Крапива	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Косарев

Пацаны... Товарищи...

Мужчина

На широком поле разобранного дивана разыгралась битва. За большим холмом из свернутого покрывала расположилась рота автоматчиков, на другом фланге – кавалерия и пушки. В центре атаки стоял великолепный камуфлированный танк – любимая игрушка, подарок отца. Башня танка поворачивалась во все стороны, пушка двигалась вверх и вниз, люки механика-водителя и командира открывались, как настоящие. С боков его прикрывали два маленьких бронетранспортера. Враги – черная и белая роты шахматных фигур – засели в крепости из кубиков на другом конце дивана, следовало взять их штаб без потерь и уничтожить позиции.

Никитка – главнокомандующий – ползал по дивану, координируя войска, аккуратно поджимая колени, чтобы случайно не задеть и не уронить солдатиков. Он изображал звуки взрывов и автоматные очереди, свистел, подражая летящим минам. Распластавшись на поле боя, прикрываясь от шквальных пуль, мальчик переставлял свои батальоны и начинал атаку за атакой. В самый разгар боя, когда до победы оставалось всего несколько ударов, в комнату вошла мама и утащила главнокомандующего ужинать. Пришел со службы папа.

Никитка говорил в саду:

– Мой папа – офицер! У него есть солдаты и оружие. Он командует и прыгает на парашюте.

– С парашютом... Прыгает с парашютом. – Поправляла Никиту воспитательница.

– А еще – хвастливо продолжал парень – у моего папы медали.

Так его научил папа.

Он усаживал сына на колени и спрашивал:

– Садись, мужчина! Что ты сегодня натворил в садике?

Никита нехотя рассказывал и, как правило, виноватым себя не чувствовал.

Папа внушал:

– Запомни, мы – офицеры – никогда не обижаем девочек! И не берем чужие игрушки. У тебя же своих много. Понял?

Никитка нетерпеливо кивал и убегал в комнату, прятался в убежище под столом, где хранились все его драгоценные войска – техника и личный состав.

Однажды, папа вытащил сына из-под стола и усадил на диван.

– Надо поговорить, Никита Александрович! – строго, но по-доброму сказал папа.

Никитка сложил руки на коленях и покорно приготовился слушать. Рядом на диване сидела мама и почему-то вытирала глаза платочком.

– Тебе сколько лет, сын? – спросил отец.

Никитка выставил вперед растопыренную ладошку.

– Пять лет... – уважительно протянул папа. – Ты у меня уже взрослый! Значит, я могу не беспокоиться. Правда?

Сын кивнул.

– Вот какое, дело, Никита. Я уезжаю в командировку, и ты остаешься с мамой. И я прошу тебя слушаться маму, помогать ей, мыть посуду и не хулиганить. Понятно?

Никита снова кивнул утвердительно.

– Ну вот, и молодец! – отец чмокнул сына в макушку. – А я скоро приеду. Беги, играй!

Никита с радостью влез под стол к любимым игрушкам, а мама с папой продолжили разговор.

– Саша, вы на долго едете? – спросила мама.

– Я же тебе говорил, Тань. Семьдесят суток. Стандартный срок. Не расстраивайся ты, на ипотеку же отложено. Пайковые я получил. Мужики с батальона помогать будут, если что... – Ответил папа.

Они еще долго разговаривали и складывали папины вещи в большую зеленую сумку. Какая-то угрюмость была на их лицах.

Папа уехал рано утром, поцеловав спящего сына. Но Никитка этого не почувствовал, ему снились зеленые медведи, похожие на друга Славку, и большой торт.

Шагая в детский садик, Никита не мог молчать – его распирало от любопытства и вопросы сыпались на маму, как снег:

– Мам, а папа на войне, да?

– Да – кивала мама.

– Мам, а он будет стрелять, да?

– Нет – качала головой мама – надеюсь, что не придется.

– Мам, а у папы будет танк?

– Нет, сынок, танка у него не будет...

– Мам, а я Славке расскажу?

– Не надо, сынок.

– Мам, а ты мне тот синий трактор купишь?

Мама неожиданно остановилась и посмотрела на сына круглыми глазами:

– Это что еще за новости? Мы, кажется, про трактор уже все решили. Если Тамара Сергеевна сделает тебе еще одно замечание, то трактор навсегда останется в магазине. Понимаешь? Такой взрослый мальчик, а отбирает у девочек карандаши. Ну, немыслимо! Что бы на это сказал папа?

Никита угрюмо хмыкал, разочарованный маминым ответом. Синий трактор с большими черными колесами был жизненно ему необходим. Как строить новые укрепления без трактора? Ну, неужели она не понимает? Подумаешь, какие-то карандаши...

И дни стали похожи один на один, как яблоки. Утром – садик, вечером – дом, ужин и игрушки. По выходным приезжала то одна, то другая бабушка. Никитку водили во двор, он вяло ковырял лопатой опостылевшую песочницу, гонял голубей и увлеченно мерил лужи. Иногда они с мамой ездили в парк, где Никита катался на блестящем мотоцикле с лампочками и ел сладкую вату. От ваты потом приятно липли руки и можно было притрагиваться к листьям, которые висели на пальцах, как заколдованные. Или облизывать их в троллейбусе по пути домой, пока мама не видит, ведь пальцы еще долго хранили сладкий вкус. Но чаще всего мама видела, она доставала из сумки влажную салфетку и заставляла Никиту вытирать всю эту прелесть.

А однажды позвонил папа. Никитка приставил к уху телефон и услышал далекий, далекий голос папы, который прерывался каким-то шипением и треском:

– Ты как у меня поживаешь, мужчина? Девочек не обижаешь?

Никита отрицательно вертел головой, словно папа мог это увидеть.

– А маме помогаешь?

Никита рассказывал:

– Я стол вытираю быстро-быстро-быстро! – и водил рукой в воздухе, показывая телефону, как быстро-быстро он умеет вытирать тряпкой кухонный стол.

– А буквы, наверное, уже все знаешь?

Никита помотал головой. Из букв оставались только «Ч», «Ш», «Щ» и еще те, что на последних страницах азбуки.

– Я люблю тебя, сынок! – папа снова шипел и трещал в трубке, но мама отобрала телефон и отправила Никитку в комнату.

С горечью переживая отсутствие трактора, мальчик строил укрепления. Он возил строительные материалы – книги и кубики – на прекрасном камуфлированном танке, унижая его военное достоинство. У Славки есть трактор. И у Данилки тоже есть. Счастливые они...

Строительство закончилось тем, что верховный строитель и главнокомандующий уснул под столом, обнимаясь с танком. Он лежал среди груды игрушек, положив голову прямо на ковер. Мама бережно перенесла его в кровать, раздела и накрыла одеялом.

Забирать Никитку из садика вдруг приехали сразу все дедушки и бабушки. Такое раньше было только в День Рождения! Они вообще редко вместе собирались.

Бабушки и дедушки привезли подарки – мамина мама, баба Валя, привезла куртку с меховым капюшоном, а папин папа, деда Леша, – машинку, которая ездила на батарейках. От восторга Никитка долго не мог попасть ногой в колготки. Он болтал, сбиваясь с одного на другое, а родственники молча слушали, грустно улыбаясь.

– А где мама? – спросил Никитка, одевшись наконец.

Второй дед – деда Вова – взял его за руку и ответил:

– Дела у мамы, внучек... Она вечером приедет...

Мама действительно приехала вечером и долго сидела на диване, забыв снять куртку. Она смотрела куда-то в ковер и плакала. Бабушки сидели рядом с ней, пока деды пытались играть с Никиткой.

– А почему мама плачет? – опасливо и настороженно спрашивал Никитка, заглядывая в комнату из-за плеча деда.

Дед спешно закрыл дверь в комнату и грустно сказал:

– Болеет, мама... Болеет... Ты, давай, внучек, покажи мне еще свои книжки.

Второй дед сидел на диване и молчал, его лицо было каким-то серым.

Искупав Никитку и уложив его спать, бабушки с дедушкой собрались на кухне. Мама сидела в комнате одна.

Дед Леша налил водку в кофейную чашку и выпил молча. Дед Вова показал своей жене на шкаф:

– Валя, дай мне стакан...

Баба Валя подала деду стакан и спросила:

– Вам сыра порезать?

Деды покачали головами.

– Я тогда пойду к Тане, посижу...

Вместе с ней ушла вторая бабушка.

Деды кивнули. Они снова выпили молча и без сыра.

Дед Леша налил еще, вытер слезы:

– Понимаешь, – начал говорить он сдавленным голосом – посылают туда кого попало! Всяких молокососов! А Сашка выручай... А он иначе не мог! Он – мой сын...

Дед Вова только молча согласился. Он тоже был серого цвета.

– Послезавтра борт... Ребята оградку и памятник купят, часть поможет. А хоронить в цинке! В цинке... Господи... Своих сыновей эти суки туда не пошлют...

Деды пили водку. Бабушки сидели с мамой и успокаивали ее тихими голосами, стараясь не разбудить Никитку.

Но Никитка не спал, он долго не мог уснуть и слышал приглушенные голоса из кухни. Он мало что понимал, да ему это было не интересно. Важно было, что деды пообещали купить трактор!

А деды просидели на кухне до самого утра.

На кладбище Никитку не взяли – он сидел дома с бабой Валей. Они читали книжки, рисовали каких-то семиногих ушастых верблюдов и смотрели мультики по телевизору.

Баба Валя иногда плакала, Никитка не понимал, почему?

Ближе к вечеру приехали взрослые и привезли конфет, фруктов и много бутылок с разноцветными этикетками. Еще приехали какие-то военные дяди, они вытащили из кухни стол и поставили его в большой комнате. На стол постелили клеенку и стали ставить салаты, колбасу, хлеб, бутылки. Никитке налили большой стакан лимонада, дали мандаринов и шоколадных конфет.

А трактора не было почему-то... Никита стеснялся спросить деда Лешу об этом, но дед, видимо, догадался сам и вывел мальчика из комнаты.

Все сидели на диване и стульях – мама, бабушки, военные дяди. Люстра горела, хотя было еще светло. Никита оглядел всех с любопытством.

Дед Леша сел на стул и посадил на колени Никитку. Его глаза блестели, от деда пахло чем-то резким и немного вкусным.

– Послушай сюда, сынок... – глухо начал дед. – Я тебе сейчас кое-что скажу.

Никитка повернул голову. Дед проглотил горький комок и продолжил:

– Твой папа – герой! Он настоящий герой! Ты помни об этом и говори всем ребятам, всем друзьям. Твой папа – настоящий герой. Понимаешь, милый?

Никитка кивнул. Он, собственно, это и раньше знал. Где трактор-то?

Все взрослые молчали. Мама вытирала глаза, военные мяли свои лица руками.

Дед продолжил, выпив рюмку:

– Твой папа – настоящий герой, Никита. Но он больше не сможет к тебе приехать. Он уехал далеко-далеко, в командировку, на небеса, и там остался навсегда. Но он очень-очень тебя любит, очень сильно тебя любит. Он сейчас сидит там, в командировке, на небесах, смотрит на тебя и радуется, какой ты вырос большой и сильный. Твой папа всегда будет гордиться тобой и ты, сынок, тоже гордись своим папой... Он был настоящим мужчиной, и ты должен вырасти таким же.

Никита смотрел на деда и весь мир вокруг него почему-то замер, остановился. Даже птички за окном перестали щебетать. В открытую форточку больше не задувал ветер.

Из глаз Никиты покатались маленькие сверкающие бриллианты.

Он спросил:

– Папу убило?

Дед Леша зарыдал, не сдерживаясь, сразу как-то сжавшись. К Никите подскочила бабушка и взяла его на руки. Но он вырвался.

Он убежал в свою комнату и залез под стол, вытирая ладошками слезы.

Бутылки тускло блестели на столе, отражая свет люстры. Взрослые сидели, не шелохнувшись, дед Леша громко выл. Бабушки пили лекарство из маленькой баночки и тоже плакали. Мама был недвижима, она ослепла от слез. Военные отворачивались к стене.

Никитка разворошил ящик с игрушками. Он выбежал на кухню, открыл шкаф под раковиной и стал сыпать в мусорное ведро автоматчиков и кавалерию, пушки и бронетранспортеры. Последними в ведро полетели обломки великолепного камуфлированного танка...

Ракета

Настольная лампа моргнула несколько раз, затем ослепительно вспыхнула и погасла – отключили электричество. Это происходило каждый день примерно в одно и то же время. Новый микрорайон, новый дом – электрики говорили «идут подключения». Понять можно.

Марат с мамой переехали в этот дом после развода. Квартира им досталась хорошая – светлая, просторная, теплая, и Марату определили тихую комнату с балконом. И что самое радостное – все в этой квартире было новое: и стены, и потолок, и мебель, и даже тарелки с ложками. Квартира вкусно пахла свежим ремонтом. Только вот электричество шалило.

Марат отвлекся от ракеты, отодвинул от себя заготовку головного обтекателя и сел на диван. Стал смотреть в окно.

Было еще не совсем темно – город только начинали окутывать сумерки. Вечер выползал из-за далекой линии горизонта и разворачивал синее со звездами покрывало. Вернее, еще не совсем синее, так, слегка голубое, но какая-то нетерпеливая звезда уже мерцала над микрорайоном. Наверное, это была Венера. Марат захотел уточнить в справочнике, но вспомнил, что нет электричества и снова сел на диван. Звезды он любил и знал, и космос тоже. Справочник был нужен, наверное, просто для собственной уверенности. И ведь это точно была Венера.

Завтра суббота, в этот день Марат планировал поехать с папой в планетарий, но папа не звонил. По крайней мере, мама ничего не говорила. Марат думал, что вот сейчас, когда нет света, когда тепло и темно, – самое время для папиного звонка. Ну, вот позвони он прямо сейчас, и было бы что обсудить, построить планы, придумать что-то.

Но папа не звонил, поэтому планов на завтра не было никаких. Кроме стабилизаторов.

Стабилизаторы ракеты-носителя «Протон-М» – это самое сложное, но одновременно и самое интересное. Требовалось очень много усердия, чтобы собрать их точно по чертежу, склеить ровно, и аккуратно соединить с корпусом. А потом уже можно красить и доделывать всякие мелочи.

Марат собирал ракету уже третий месяц, работал тщательно и вдумчиво, с необыкновенной любовью. Он хотел ее подарить Алле Аркадьевне – учительнице физики. Просто так подарить, не ради чего-то. Ведь дарят же какие-то люди музеям всякие монеты, книги, старые стулья, фотоаппараты... Вот и он хотел просто так – взять и подарить ракету Алле Аркадьевне и кабинету физики. Пусть стоит там как экспонат. И не нужно никому говорить, что это именно он – Марат Алеев – сделал ее своими руками. И совсем не обязательно кому-то знать, что чертежи ракеты и картон с бумагой, и клей и прочие принадлежности Марат искал по магазинам лично, и покупал все на свои деньги. На те, что давала мама и иногда папа. Марат просто хотел сделать доброе дело.

Та же самая Алла Аркадьевна часто говорила на уроках, что сейчас очень сложное физическое время, и мир подвержен саморазрушению. Все процессы в мире направлены на разрушение. Поэтому очень важно заниматься творчеством, то есть создавать что-то. Для равновесия, чтобы всего было поровну – на каждую гибель материи должно быть новое рождение. Пока мир пытается себя разрушить, Марат Алеев будет создавать. Хотя бы картонную ракету.

Раздался звонок. Папа?

Марат вскочил и выбежал из комнаты. Мама уже подавала ему трубку:

– Твой безумный папа звонит, поговори.

Марат чуть не задохнулся от радости!

– Привет, пап!

В трубке раздался беззаботный и энергичный голос папы:

– Привет, сын! Как дела?

– Все норм.

– Что это опять за новое слово «норм»? Что оно означает?

Марат немного смутился и даже слегка покраснел.

– Ну, норм. Это значит, все нормально, хорошо.

– А я скучаю, сынок. Как ты? Как здоровье?

– Норм. Ой! Нет, все отлично. Не болею. Да, свет снова выключили. Недавно... Да, включат, конечно.

Папа замолчал на мгновение. Затем Марат услышал то, чего вообще не хотелось слышать:

– Знаешь, сынуля, я завтра не смогу приехать... У меня дополнительная работа появилась, надо будет фотографировать. Ну, сам понимаешь. Я очень по тебе скучаю, очень сильно тебя люблю и хочу приехать, но...

Марат вздохнул:

– Я понимаю...

– Ну, ты же у меня умница! Я тобой горжусь, сын!

– Угу...

– Ну, что за голос? Что за упаднические настроения? Отставить грустить! Мне нужен бодрый и веселый сын!

– Угу...

– Не «угу», а «так точно»!

– Угу...

– Не грусти, сынок! Я тебя люблю. Сильно-сильно! Ты – мое всё!

«Не грусти» – легко сказать. Город за окном стал еще темнее. И света нет и вообще...

– А в планетарий мы съездим на следующих выходных, хорошо? Потерпишь немного, сынуля?

– Угу...

– Ну, что-то мне не нравится твое состояние... Маратка, расскажи, какие победы сегодня у тебя были? Что в школе?

– Да ничего. Так...

– А пятерочки? Пятерочки были?

– Одна... По английскому.

– Ты у меня красавец! Большой молодец! Ну, целую тебя, милый, дай, пожалуйста, трубку маме. Люблю тебя...

– Ага...

Марат вернул телефон и рухнул на диван, словно кончился заряд. Сели аккумуляторы. Вообще, ничего не хотелось делать. Даже если дадут свет, он будет просто сидеть и не прикаснется к ракете. Какое тут может быть творчество?

Электричество неожиданно включили – лампа засверкала и немного ослепила, а на кухне вздрогнул и загудел холодильник.

– Маратка, сынок, иди кушать! – через несколько минут позвала мама.

Марат посмотрел в окно. Город стал совсем черным, а дома зажгли разноцветные окна. Венера уползла куда-то, зато появилось с десятков новых звезд. Они разбежались по синеве неба и подмигивали друг другу.

Марат сидел за столом, вяло терзал котлету вилок и размазывал соус по тарелке, пока все не остыло окончательно. Есть не хотелось, но мама не ругала. Она просто убрала тарелку и налила чаю.

– Бери печенье и уйди с глаз моих! То не хочу, это не хочу...

– Угу... – Марат поплелся в комнату и устроился за столом. Разложил детали стабилизаторов, открыл баночку с клеем. Затем снова закрыл. Отхлебнул чаю. Потянулся за пультом – хотел включить телевизор – но не дотянулся.

Задумался, случайно раскрошив печенье на детали ракеты.

Папа вовсе не работал фотографом, это он так – подрабатывал случайными заказами. И как назло, все эти заказы выпадали на выходные, как будто в другой день нельзя фотографироваться! Нужно оно ему было? Наверное, нужно. Папа тоже что-то создавал.

Вообще, он хороший... Улыбается, как артист. Постоянно что-то рассказывает интересное, как служил, как в командировки ездил, что видел. Марату такое и не снилось – папа посетил двадцать стран, всю Европу объездил. И подарки еще дарит – книги, тетради, фломастеры всякие. И у него есть «его всё». И это «его всё» это он – Маратка.

Марат не понимал, почему мама так не любит папу? Почему она называет его «безумным». Обычный он... Как у всех. У них в классе почти у всех мальчишек отцы живут отдельно. Потому что мир склонен к саморазрушению.

Ракета лежала перед Маратом разбросанная, как осенние листья в парке. Еще не целая, не склеенная, не собранная. Не живая. Матовые листы картона для заготовок лежали рядом. Нужно было нанести разметку, сделать черновой вариант. Чтобы потом не ошибиться. Хорошо бы не один стабилизатор на черновую склеить, а штуки три, чтобы руки приучить. Вообще, у «Протона» их шесть, и вовсе это не стабилизаторы, а боковые блоки первой ступени с баком и двигателем. Просто Марат их так называл, для удобства. Но какая сейчас разница? Она же все равно никогда не полетит.

Вот если бы полетела!

Марат закрыл глаза, и ему показалось, что он, в противоречие разрушающемуся миру, создал такую небывалую ракету, что она ожила! Да, она ожила! Она стала огромная, горячая, дрожащая. Струи пара исходили от нее и окутывали фермы стартовой площадки. Вокруг суетились роботы – готовили ракету к полету. Никакие люди были больше не нужны, все сделают роботы. Пусть люди занимаются творчеством, пока мир пытается сам себя разрушить.

И в модуле полезной нагрузки будет находиться самый современный корабль, в котором хватит места для мамы, папы и для него. Можно еще взять кота, который сейчас спит под столом на кухне.

Марат отложил печенье, пошел на кухню и вытащил кота из-под стола. Тот спросонья ничего не понял и поэтому даже не кусался. Марат прижался щекой к теплой и мягкой кошачьей спине.

– Давай, давай, просыпайся...

Кот очухался и вырвался из рук, мяукнул что-то, вновь скрывшись под столом.

– Дурачок... – Марат сладко зевнул.

Было еще не поздно. Можно было забросить ракету на шкаф до завтра и посмотреть «Локомотив-Авангард», или позвонить Витьке, или вообще залезть в ванну с книжкой.

Эта идея показалась Марату лучшей за сегодняшний вечер.

Он быстро разделся до трусов, выбрал на полке самое большое полотенце и обернулся им. Затем настроил воду, налил в ванну шампуня, чтобы под струей получилась пышная, душистая пена, и пошел за книжкой.

Мама сидела в своей комнате и разговаривала с кем-то по телефону. Марат слышал лишь обрывки разговора.

– ... ты с ума сошел? Ну, вроде бы договорились на завтра. Ну, не знаю... Ты вечно что-нибудь придумываешь. Да, да! Сначала одно, потом другое, потом третье! Кто так делает-то?

Марат завис в коридоре с поднятой ногой и с книгой в руке. Прислушался. С кем это она?

– ... сам тогда поговори. А вдруг он не захочет?

Дверь резко открылась и в коридор вышла мама. Она была чем-то обеспокоена – Марат понял это по сверкающим глазам.

– А, ты здесь – буркнула мама. – Отец снова хочет завтра приехать. Ты не передумал?

Она нацелила в Марата два острых лезвия своих глаз.

Марат покачнулся, он слегка потерял равновесие, стоя на одной ноге. К тому же полотенце размоталось и рухнуло на пол.

– Что? – он словно только что вернулся из космического полета.

– Ничего! – мама сделала какое-то сморщенно-кукольное лицо и протянула Марату сотовый телефон. – Отец, говорю, звонит. Ты на завтра не передумал? Гулять пойдешь с ним?

– А!?

– Бэ! На, общайся...

Мама сунула в руку Марату телефон и закрыла за собой дверь.

– Привет, пап... – растерянно произнес Марат.

– Привет, сынуля, еще раз! Ну, как ты?

Марат все еще был в космосе.

– Я? Норм...

Отец рассмеялся в трубку.

– Ну, раз норм, то и норм! В общем, я завтра приеду! Ты часов в двенадцать, давай, уже будь готов! Чтобы рубашка была свежая, джинсы без пятен. Понял?

– Ну, понял...

– И без «ну», сынуля! Целую!

На валяющееся на полу полотенце мягко приземлилась книга, выпавшая из рук Марата. Она спланировала тихо и без шелеста, как космический аппарат, спускаемый на землю на упругих стропах посадочного парашюта...

Кто сдал?

Две недели назад у нас событие случилось, да какое событие! До сих пор все разбираются. Взрыв! И пятно! Пятно, получается, на нашу замечательную образцово-показательную мужскую гимназию, известную во всем городе, как лучшее образовательное учреждение. Да...

Словом, восьмой «А» подрался с восьмым «В». Собрались после уроков за территорией, у лесочка и устроили битву. Прямо стенка на стенку, махались руками-ногами, с применением вспомогательного оружия – портфелей, палок, сотовых телефонов и даже кирпичей. Тетрадки и карандаши разлетались по округе.

А причина проста и незамысловата – «вэшки» днем ранее выиграли «ашек» в футбол, чего им делать категорически запрещалось. Все знают, что самый спортивный класс в нашей параллели – это восьмой «А», все призы у них всегда и рекорды тоже.

И вот, когда бой разгорелся до самой высшей температуры, выбежали охранники, физрук с директором и еще там всякие учителя и начали ловить всех подряд. Окружили нас. Пойманных бойцов затаскивали сразу на педсовет. Кого не поймали – записали. А как тут скроешься? Гимназия маленькая, все всех знают. Невезуха, иначе никак не скажешь.

Итоги драки так себе – несколько фингалов, подбитые губы, пара расквашенных носов ну и по мелочи. Можно сказать, что никто серьезно и не пострадал, но обидно было. Получилось, что пока мы смотрели рукопашную баталию, кто-то тайком проник в учительскую и сдал. Именно сдал! Предал!

Вот оттого и обидно. Кто же так делает? Неужели у нас каждый день класс на класс дерется? Из-за всполошенных преподавателей, которые носились по лесочку как угорелые, даже и непонятно было, кто в этой драке победил.

На следующий день вызвали родителей всех до одного – очередь перед директорским кабинетом выстроилась до второго этажа. Последний раз такое случалось, когда прорвало трубы и кипятком залило кабинеты левого крыла – тогда собирали деньги на срочный ремонт, чтобы не срывать учебный процесс.

Пятого и шестого уроков у всех восьмых классов не было – отменили. Шли допросы и всякие следственные мероприятия. Нас, зрителей, тоже гнули, словно это мы дрались.

Пацаны выходили из кабинета дирика с красными носами, расстроенные, под зорким присмотром отцов и матерей. А с боков только и слышалось: «ну что там?», «как оно?», «что будет?».

Славка Короленко (из восьмого «А») самый спокойный был. Отец ему уши надрал прямо в коридоре, мы все видели, а он ничего, держался. Сказал нам:

– Пока не ясно ничего. Говорят, по поведению гуся за год влепят. Чтобы все лето отработывать... Могут и родоков на деньги поставить – штрафы.

Затем нам устроили тотальное родительское собрание в актовом зале, на котором распекали каждого персонально. Мол, да как же ты, Вася, такое допустил? Или да как тебе, Коля, не стыдно? И все такое прочее... Жуть, одним словом. Из-за одного мерзавца такие приключения теперь. Длился этот «концерт» до вечера.

Когда родителей распустили, мы расходиться не стали, собрались тайно – много нас народу было, все три восьмых класса, все, кто были на драке. Обсуждали, конечно, вопросы решали. Тут и война на время забылась – все стали, как один. Перемирие у нас образовалось, как в джунглях во время засухи.

Решили коллегиально, что нужно стукача вычислить и наказать.

Кто-то выкрикнул:

– А как ты его найдешь? Вдруг он здесь сейчас среди нас?

Ну, это глупости! Мы же ведь своих знаем. И помним, кто до драки пришел, кто во время драки был и кого после учителя сцапали. Нет, такой вариант невозможен, тут все свои собрались.

Получается, что стукач либо из-за угла подглядывал, либо из окна, либо еще каким образом.

Разбились на классы, начали считать, кто драку пропустил. Составляли списки. В «А» классе и «В» таковых, понятно, не было. А вот из нашего «Б» класса, троих не досчитались.

Женька Григорьев стал перечислять:

– Кондрата не было, Серегу Кондратьева, он болеет. Его вычеркиваем – железное алиби. Значит, это либо Косачев Димка, либо Ринат Ахметзянов. Их и сейчас тут нет, сечете?

Так! Теперь понятно. Все сходится, как нельзя лучше, по алгоритму. Оба классические ботаны. Не было сомнений, что кто-то их них нас всех и сдал.

Наши зашумели.

– Вот заразы!

– Позор!

– Я им обоим носы сломаю!

А потом кто-то умный подал великолепную идею – до понедельника всем молчать! Чтобы ботаники ничего не подозревали.

– Пацаны, ведем себя тихо. Не было ничего, ясно? Все замолкли и дышим ровно. Потом прищемим сразу обоих.

Все логично, именно так и нужно было поступить.

Погалдели мы еще немного и разъехались по домам – получать то, чего недополучили на собрании...

В долгожданный понедельник первым отоварился Ахметзян. Между первым и вторым уроками, на перемене его зажали в туалете и так размяли ребра, что он не мог дышать. Ползал под умывальником, хныкал, как девчонка. Так ему и надо, гаду.

Правда, он ни в чем не признался, ну так это понятно! Если признается – еще хуже будет.

Потом поймали Косачева – навесили и ему. Конкретно так навесили: подбили обе брови – они превратились в два синих пятна – и порвали пиджак. Пусть так походит, сволочь.

Но он тоже не сознался, только кровавые пузыри пускал. Словно сговорились они с Ахметзяном.

Да и плевать на них.

В общем, мы «ашкам» и «вэшкам» отчитались, что задача выполнена. Воспитательные процедуры проведены в полном объеме, что называется.

Кто-то хвастался еще:

– Видал, как я ему сунул, а?

– А я? Точно в переносицу попал!

Все верно. Так и надо.

Главная цель достигнута. Нужно было, чтобы все поняли – коллектив не потерпит в своих рядах предателей. В мужском обществе не любят мягкотелых неженков. Не можешь сам драться – так сиди и молчи, когда другие это делают. Таковы суровые условия жизни в строгом и жестком обществе. А чем наша гимназия отличается от реального мира? Да ничем!

А эти сбежали, да еще и преподавов навели. За это мы их и прочутили.

Вторник прошел спокойно – из стукачей на занятиях никого не было. Ну, это естественно, они зализывали раны и грелись под одеялками, рыдая над своей несчастной предательской судьбой.

А в среду в гимназию заявили следаки...

И уроки в восьмых классах вновь остановили.

Что потом началось – даже рассказывать не хочется. Полный следственный калейдоскоп: собрания, педсоветы, протоколы, объяснительные, докладные, журналы, описи, допросы, разговоры и очные ставки. Хоть кино снимай про организованную преступность.

Гимназия стояла на ушах, у всех было шило в одном месте, причем вовнутрь. Младшие классы вообще не понимали, что творится – по коридорам бегали ученики и препода, все были красные и зеленые, как помидоры в теплице.

Заглох даже звонок.

Конечно, досталось всем, и никто не остался сбоку. Капитально так досталось. Мои родители тогда чуть не развелись, когда спорили, что со мной делать.

А кончилось все речью директора гимназии в актовом зале, куда нас загнали уже по темноте. Он сказал, что на заднем дворе, за учебным корпусом и около лесочка установлены скрытые видеокамеры. Точно такие же, как висят над парадным крыльцом, в гардеробных и в коридорах. Только скрытые...

Скрытые!!!

Они их нарочно, понимаете ли, скрыли, ради недопущения всего такого подобного.

В общем, противно, гаденько.

У меня и сейчас такое ощущение, словно глины с песком наелся...

Крапива

– Крапива, держи тёзку! – Худой Серега от всей души приложил к руке лучшего друга Сашки Крапивина сочный букет свежей крапивы.

– Ай, с ума сошел что ли? – закричал ужаленный Сашка. – Жжется же!

Серега выкинул крапиву, отряхнул ладони и покачал головой:

– Да это молодая еще, свежая, а свежая не жжется...

– Угу – бурчал Сашка – на себе попробуй такой молодой, а потом говори.

Крапивы было много – она была как зеленое море за домом рядом с гаражами – и ее волны достигали в высоту человеческого роста! Поэтому сюда никто и не лез – лучшее место для уединения! Можно было хоть на весь день здесь спрятаться – никто не найдет.

Друзья вылезли из кустов, и пошли во двор. Следовало каким-то образом занять день и найти себе дело.

– А еще раньше из крапивы суп варили... – важно сказал Худой.

– Знаю... Умник. – Сашка почесывал свежие волдыри на локте и был немного недоволен. – Тоже мне шуточки – крапивой жалиться! Детство заиграло?

Во дворе никого не было – наверное, всех загнали на обед. Мальчишки уселись на скрипучие качели и начали развлекаться – отталкивались ногами как можно сильнее и дергали качели влево-вправо, чтобы скрипа было больше. Железо стонало и издавало какие-то взвизгивающие звуки, от этого было очень весело. Но радостное развлечение мальчишек вскоре прекратила злобная тетка из окна первого этажа. Она заорала и пришлось ей уступить.

– Пошли в магазин? – предложил Сашка.

Сходили в магазин, потратили все деньги, накупили всякой жевательной ерунды, конфет и лимонада. Все эти вкусности быстро съели и выпили.

От нечего делать даже посидели в песочнице, вспомнили детство! Вот до чего скука доводит.

А летний день тем временем не спешил торопиться, его зной расплылся по двору и застыл в воздухе. Солнце огромной желтой пушкой стреляло по деревьям и траве, по асфальтовым дорожкам и скучающим у подъездов машинам. Было невыносимо жарко.

– Сейчас бы на речку, да? – Худой толкнул Крапиву в бок. – Попроси отца, пусть нас свозит?

Сашка многозначительно сощурился, раздумывая.

– Он в смене... А на выходных мы к бабушке, так что на этой неделе никак не получится.

– Эх, жалко – протяжно спел Серега – я бы раза три туда-сюда переплыл!

У Сашки округлились глаза от такой наглости:

– Кто три раза? Ты?

Крапива схватился за живот и, широко открыв рот, изобразил трубный гогот.

– Да ты плавать-то кое-как научился и то благодаря мне!

– А спорим? – запыхал Серега – Ну, спорим!

Он протянул ладонь для спора, но друг его остановил. Задержав Худого за плечо, Крапива кивнул в сторону последнего подъезда:

– Гляди, Серый, Каринка опять своё чучело гулять вывела.

Серега тут же забыл про плавание и развернулся в сторону девочки.

Карина Сумарокова – одноклассница Сашки и Сереги – вышла из подъезда, держа на поводке странное существо собачьего рода – длинную лохматую швабру на коротеньких ножках.

Худой и Крапива заулюлюкали:

– Эй, чучело! Смотри, на ухо себе наступишь!

– Подметай тротуары, собакен! Ха-ха-ха!!!

Девочка бросила в сторону одноклассников уничижительный взгляд и отстегнула поводок от ошейника.

– Гуляй, Бадди! Гуляй!

Пес, ошалевший от радости, с разбегу нырнул в высокую траву. Вскоре Карина скрылась за домом, а друзьям снова стало скучно.

– Сумарокова деловая слишком – через некоторое время задумчиво обронил Худой. – Таких надо наказывать.

– За что? – Крапива выплюнул жвачку.

Сергеа повернулся к другу и показал рукой какой-то бесформенный жест.

– А вот за это самое! Выделяется много... А начинки – ноль! Одна форма, понял, Крапива!

– Ммм... – отрешенно промычал Сашка и пнул ногой камешек. – Понятно. Зато красивая...

– Красивая – покачивая головой, согласился Серега.

Они сидели на скамейке, подставляя палящему солнцу вихрастые затылки и тонкие шеи, и рассуждали каждый о своем. Никто никого не перебивал, но и темы не поддерживал. Серега рассказывал о радиоуправляемых вертолетах, а Сашка – о новой футбольной секции, которую открывал какой-то известный в прошлом футболист.

А во дворе по-прежнему никого не было.

День был каким-то ослепительно плоским от жары, безделья и невозможности поехать на речку.

– Жаль, велосипедов нет, да? – грустно спросил Худой.

– Да – безучастно ответил друг.

Вдруг из-за угла дома выбежала испуганная Сумарокова.

– Мальчики! Мальчики! Помогите!

Друзья обернулись на крик.

Девочка стояла на углу и махала им рукой. Что она чудит там еще?

Парни, посмотрев друг на друга и синхронно пожав плечами, сорвались с места.

Нет, Каринка не шутила – что-то у нее случилось! Она была напугана, как после разговора с директором школы. В ее глазах блестели слезы.

– Бадди унес ключи в крапиву! Я дала ему поиграть, а он их потерял! Там, ну, за кустами...

Она смотрела на парней и чуть не плакала. В руках у нее был поводок, а бестолковый Бадди ползал в траве в нескольких шагах.

– Бадди! Ищи! Ищи, Бадди! – чуть не плача кричала девочка, но радостный лохматый уродец только вилял хвостом и весело скалился на хозяйку.

– Кто унес? Куда унес? – мальчишки мало что поняли. Они смотрели поочередно то на девочку, то на собаку и долго не могли сориентироваться в словесном хаосе Сумароковой.

– Что за беда случилась? – прикрикнул Крапива на Карину.

Первым дошло до Худого, и он все объяснил другу. Оказывается, Каринка дрессировала своего собакена и бросала в траву связку ключей от дома. А он по команде приносил ее назад. Ну, приносил, приносил, пока ему не надоело.

– В общем, он их где-то в крапиве спрятал... – резюмировал Серега и показал кулак лохматому чудищу – Уууу... только колбасу зря лопаешь!

Карина вытирала слезы и всхлипывала:

– Он у нас колбасу не ест... Ему нельзя... Он на специальном корме для шерсти...

Сергеа вновь показал кулак собаке:

– Уууу... только специальный корм для шерсти зря лопаешь! Дорогой, наверное, корм, а?

Сумарокова вытирала нос платком.

– Наверное... Его папа покупает, английский...

Худой присвистнул и положил руку на плечо Крапиве:

– Все ясно здесь. Потопали, Саня. Пусть сама свои ключи ищет.

Друзья развернулись, но Сумарокова остановила их.

– Ребята, я вам заплачу. Пятьсот рублей дам. – И она полезла в карман куртки за деньгами.

Парни остановились. Карина извлекла деньги из кошелька и показала их ребятам.

Молчали все, примерно с минуту. Худой погладил выбежавшего из травы Бадди. Псу было приятно внимание людей, он весело крутил хвостом, подпрыгивал и показывал красный жизнерадостный язык

Сумарокова смотрела на одноклассников, Худой играл с собакой, а Сашка нахмурил лоб.

– Короче, лезть надо, Серый. – Крапива почесал свой недавно ужаленный локоть. – Так просто этот изверг ключи не найдет.

Изверг тем временем пытался лизнуть Сашкину руку, но Карина уже пристегивала его на поводок.

Сергея развел руками несколько озадаченный:

– А чего это сразу я? Давай жребий тянуть, а гонорар пополам. Сумарокова, свидетелем будешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.